

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

**К 200-летию
со дня рождения
Б.А. Дорна**

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽³⁾
осень — зима
2005

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

- А.И. Колесников, Н.Л. Лужецкая.* Выдающийся
востоковед академик Б.А. Дорн 5
- О.В. Васильева, Л.А. Шилов.* Академик Б.А. Дорн —
библиотекарь Императорской Публичной библиотеки 16

ПУБЛИКАЦИИ

- С.М. Прозоров.* «Верования арабов во времена
ал-джахилии» аш-Шахрастани. *Комментированный
перевод с арабского* 26
- В.А. Дроздов.* Фахр ад-Дйн 'Ирақй. 'Ушшāқ-нāме
(Книга влюбленных). *Предисловие, перевод с персид-
ского и комментарии. Часть 1* 47
- И.С. Егоренков.* Парафраз Сима (Наг-Хаммади VII.1).
Введение, перевод с коптского и комментарии 84

ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.С. Пелевин.* Распространение ислама и развитие
письменности у афганцев в XVI–XVII вв. 113
- З.А. Джандосова.* Обычай заступничества в Афгани-
стане на рубеже XVIII–XIX вв. 125
- Н.Л. Лужецкая.* Материалы к истории разграничения
на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН
(фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального Штаба
капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане»
(1893 г.) 134

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2005

<i>А.И. Колесников. Управление Хорасаном в IX–XII вв. (по сведениям мусульманских географов)</i>	153
<i>Е.И. Васильева. Курдское племя в источниках и литературе</i>	172
<i>О.М. Чунакова. Пехлевийский лапидарий</i>	196
<i>А.Г. Грушевой. Иосиф Флавий, Филон Александрийский и автор Деяний Апостолов о межэтнических конфликтах в Палестине I в. н.э.</i>	205
<i>А.Б. Куделин. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы</i>	223

РУКОПИСНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>А.К. Козмоян. Средневековые армянские переводы Корана в рукописях Матенадарана</i>	235
---	-----

ЭЛЕКТРОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ

На четвертой стороне обложки:

Из собрания СПбФ ИВ РАН (арабографичный фонд)

1) «Ас-Самй фй-л-асами» («Превосходный в [определении] имен»). Арабо-персидский словарь.

Автор Абу-л-Фазл Ахмад б. Мухаммад ал-Майдани. Список 537/1143 г. (В 523, л. 110b–111a)

2) «Тухфат-и 'айн-и хайат» («Дар источника жизни»). Географическое сочинение. Автор не установлен. Список начала XVIII в. (В 839, л. 88b–89a)

<i>С.М. Прозоров, М.Г. Романов. Обзор электронных баз данных по исламу на арабском, персидском и английском языках. Выпуск I</i>	240
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С.Л. Невелева. XXV Зографские чтения: Проблемы интерпретации традиционного индийского текста. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2004 г.</i>	258
<i>Н.В. Козлова. Конференция, посвященная 90-летию И.М. Дьяконова</i>	264

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. Велиханова. Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата</i>	266
<i>А.Г. Грушевой. A. Sivertsev. Private Households and Public Politics in 3rd–5th Century Jewish Palestine</i>	270

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
З.Г. Минеджян
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман

Обычай заступничества в Афганистане на рубеже XVIII–XIX вв.

1. Заступничество — политическая традиция и норма обычного права

В тексте первого тома персоязычного труда «Сирāдж ат-тавāрих» («Светоч историй») афганского историка Файз-Мухаммада (1862–1931)¹ обращает на себя внимание довольно частое употребление термина *шафā'ат* при описании ситуаций, связанных с разрешением военных и политических конфликтов, возникавших между участниками борьбы за власть в Афганистане в период правления последних Садозаев и первых Баракзаев, при помощи заступничества третьего лица.

Арабское слово *шафā'а* вошло и в персидский, и в пушту (пашто) в форме *шафā'ат* в значении «заступничество», «ходатайство», «посредничество». В первом томе «Сирāдж ат-тавāрих» оно употребляется в контексте выражений *ма'зират* «извинение», *зарā'ат* «смирение», *узрхāхī* «просьба о прощении», *'аджз* «бессилие», «не-мощь», «мольба», *инкисār* «покорность», *илтимās* «мольба», *истид'ā* «упрашивание», *'афв-и тақсīр* «прощение вины», *амāн-и джāн* «пощада», *'афв-и кардār-и нāханджār* «прощение дурных поступков». Данное семантическое поле свидетельствует о том, что прибегание к заступничеству третьего лица в ходе междоусобной борьбы в вышеназванный период означало в афганской политической традиции не только «извинение», но и признание проигравшим собственного военного или политического поражения и, соответственно, верховной власти победителя. В случае правильного выбора заступника, при соблюдении всех правил обряда и употреблении этикетных формул самоуничтожения и выражения покорности (*итā'ат*) это обычно гарантировало пощаду. «Сирāдж ат-тавāрих» подтверждает, что умелое использование традиции позволяло многим участникам борьбы за власть в афганском государстве многократно избежать сурового наказания и даже гибели.

В ряде случаев заступничеству третьего лица предшествовал этап предоставления убежища — *панāх дāдан*. Здесь политическая традиция следовала пуштунскому обычному праву, согласно которому предоставление убежища (*пана кавэл*) любому нуждающемуся, в том числе и преступнику, — святая обязанность каждого человека². В свою очередь, предоставление убежища является одной из черт пуштунской традиции гостеприимства (*мелмастийа*, перс. *михмāндāри*). «Гость находится под покровительством и защитой принимающего его под свой кров хозяина. При этом гость должен уверить покровителя, что, пока он живет в этом доме, ни с кем не будет бороться и никому не будет наносить ущерба»³. Лицо, предоставившее убежище («покровитель»), обычно становится посредником между гостем и его врагами, а в некоторых случаях и заступником.

Джандосова Заринэ Алиевна — к.и.н., доцент СПбГУ.

¹ Файз-Мухаммад. Сирāдж ат-тавāрих. Т. I–II. Кабул, 1331 г. л. х. (1912/13). Официальная история Афганистана, написанная по заданию и под контролем эмира Хабибулла-хана (1901–1919).

² Жехак Л. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. М., 1989. С. 58–72.

³ Там же. С. 70.

Обычай заступничества, описываемый в вышеназванной исторической хронике на материале взаимоотношений властной элиты рубежа XVIII–XIX вв., включая представителей правящей династии Дуррани, являет собой частный случай обычая испрашивания прощения, применяемого для предотвращения или прекращения кровной мести у пуштунов. «С помощью этого обряда пуштуны стараются избежать страшных последствий кровной мести. Кровнородственный союз виновника отправляет к дому жертвы своих представителей — обычно уважаемого старейшину (*стинжирай*) и женщин... Представители жертвы несут в руках Коран, чем они хотят подчеркнуть свое желание заключить мир... Виновник или его представители предлагают плату за кровь... После передачи платы за кровь... кровная месть должна прекратиться»⁴. Прежде всего это подтверждается составом категории лиц, берущих на себя функции заступника.

2. Категории заступников

Согласно пуштунскому обычному праву, заступником может быть лицо, исключаемое из кровной мести по причине оказываемого ему почитания. Таковыми являются, прежде всего, духовные лица, причем как представители традиционного суннитского духовенства, так и суфии. «Сирādж ат-тавāрийх» приводит случаи, когда в роли лиц, предоставлявших убежище, посредников и заступников выступали *муллы*, *саййиды*⁵, *'уламā'*⁶, *факиры* и *дарвиши*⁷.

Так, например, в рассказе о мятеже царевича Хумайуна Дуррани, одного из главных претендентов на афганский трон после смерти Тимур-шаха Дуррани в 1793 г., повествуется о его сражении с Ахмад-ханом Нурзаем, влиятельным сторонником Шах-Замана Дуррани (правил в 1793–1801 гг.)⁸, и говорится о том, что Ахмад-хан получил два огнестрельных ранения и предпочел бежать с поля боя, опасаясь того, как бы его собственные соратники, принадлежавшие к знати дурранийских племен, среди которых были и приверженцы Хумайуна, не передали его в руки мятежного царевича (такого рода измены были вполне заурядным явлением). Раненый не имел уже сил держаться в седле, когда его подобрал и отнес к себе в дом «некий *дарвиш*, по прозвищу *мулла* Хасан». Царевич Хумайун сначала преследовал его, но затем «вернулся в Кандагар, поселился там и приступил к правлению. На следующий день он узнал о пребывании *сардара* Ахмад-хана в доме упомянутого *муллы* и потребовал привезти его. Поначалу он приказал его казнить, однако затем помиловал *благодаря заступничеству кандагарских саййидов, 'уламā'* и *факиров* (курсив мой. — З. Дж.)»⁹.

⁴ Там же.

⁵ *Саййид* — представитель обособленной группы мусульманского общества, претендующей на происхождение от пророка Мухаммада.

⁶ *'Уламā'* — мн. ч. от араб. *'алим* — признанные и авторитетные знатоки теологии и мусульманского права, ученые, богословы (в традиционном русском написании — *улемы*).

⁷ *Дарвиш*, перс. эквивалент араб. *фақир* со значением «бедный», «нищий», в смысле «нуждающийся в милости Божьей»; странствующий суфий (= *каландар*); суфий вообще.

⁸ См. о нем: Джандосова З. Шах Заман — последний император Афганистана // Страны и народы Востока. Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб., 1998. С. 263–279.

⁹ Сирādж ат-тавāрийх. С. 48. Хумайун не мог отказать таким уважаемым заступникам, несмотря на то что был осведомлен об истинных симпатиях вождя нурзаев. Возможно, он полагал, что заручился поддержкой предводителя племени нурзаев, поскольку тот выразил ему покорность в присутствии духовных лиц. Однако источник сообщает далее, что, раз сделал он это «якобы в благодарность за милость, а на самом деле из страха за свою жизнь», преданность его царевичу была недолгой. Едва Хумайун поставил Ахмад-хана командиром своего авангарда, тот немедленно перешел на сторону Шах-Замана.

Другой категорией уважаемых лиц, обычно выступавших в качестве заступников, были *бузурган* — старейшины, те самые, кого пуштунское обычное право называет словом *спинжири* (мн. ч. от *спинжирай/спингирай*; калька перс. *рийсафид*, тюрк. *аксақал* — «седобородый»). Если на бытовом уровне к старейшинам относятся в первую очередь уважаемые патриархи, главы низовых кровнородственных групп, то в масштабе «Сирăдж ат-тавăрйх», где ведется соперничество за власть в государстве, это — *ханы*, вожди племен, авторитетные столпы государства. Источник подчеркивает особое, двойственное положение заступников этой категории, которые в отличие от духовных лиц не пользовались неприкосновенностью и рисковали собственным положением и расположением к себе господина или сюзерена.

Ярким примером такого случая является заступничество правителя белуджей Насир-хана Балуча за потерпевшего поражение и бежавшего в Белуджистан (окраинную вассальную область Дурранийского государства) царевича Хумайуна перед его царствующим братом Шах-Заманом. Обстоятельства пребывания Хумайуна в Белуджистане подробно описаны в другом персоязычном источнике — «Зйб-и тăриххă»¹⁰. Там же отмечается особая позиция Насир-хана, который дал приют и содержание беглому Хумайуну, угощал и одевал его, «как положено», т.е. в соответствии с обычаем гостеприимства, но при этом заявлял: «Я не подниму меча против государя Замана»¹¹. Это означает, что Насир-хан не мог ни выступить против своего сюзерена, ни выдать ему Хумайуна, так как это было бы, по его мнению, бесчестно¹². Сложность позиции заступника проглядывает и в «Сирăдж ат-тавăрйх», где приводится изложение послания Насир-хана шаху.

На с. 46 «Сирăдж ат-тавăрйх» читаем:

«Не успел [Шах-Заман] тронуться в путь, как государева престола достигло подобо-страстное и раболепное прошение Насир-хана, содержащее слова заступничества за царевича Хумайуна. Он писал: „Хотя из-за подстрекательства своих приближенных царевич и пустил по ветру свою честь и достоинство, однако он пришел в дом к покорнейшему слуге *шаха* в поисках покровительства, отчего последний, не отказываясь от его отправления к Высокому Порогу, полагает все же, что это было бы не вполне учтиво (*аз шу'ун-и мардумй ба'ид мйнамйад*)»¹³, и поэтому обращается с нижайшей просьбой о его прощении“. Его Величество Шах-Заман, учитывая прошлые заслуги Насир-хана, отменил свой поход в Белуджистан».

Этот короткий, но показательный текст содержит по крайней мере два аргумента в пользу прощения инсургента. Во-первых, в своем прошении Насир-хан указывает на то, что царевич пал жертвой подстрекательств своего враждебного Шах-Заману окружения. Во-вторых, он намекает на то, что тот прибыл в Белуджистан, ища убежища и покровительства, а поэтому, согласно обычаю (о чем говорить как раз излишне), его выдача шаху была бы для Насир-хана бесчестием. Он клянется в собственной преданности и формальной готовности выполнить любой приказ сюзерена, хорошо понимая, что Шах-Заман не может не учесть вышеназванных обстоятельств. Известно, что образцом для подражания Заман считал своего деда Ахмада, а тот, в свою очередь, до конца своих дней оставался типичным военным вождем, *сардаром*, укорененным в пуштунской племенной традиции; ему были несвойственны такие «типичные» черты восточных монархов, как любовь к роскоши или деспотизм. На этом

¹⁰ Хусайн Али. Украшение летописей. Пер. с перс., введ. и примеч. Г.А. Волошиной. Таш., 1965. С. 182 (далее в сносках — ЗТ).

¹¹ ЗТ. С. 85–89 (л. 506–53а).

¹² Там же. С. 90 (л. 556).

¹³ Я перевожу *мардумй* как «учтливость», что ближе к «обычно-правовому» сознанию, чем такие значения этого слова, как «человечность» или «гуманность», однако допускаю двойное значение: «неучтиво» и «негуманно». По-русски оба значения совпадают с просторечным «не по-людски».

основании и от Шах-Замана было вправе ожидать уважения к обычному праву. Поэтому, апеллируя, наконец, просто к человеколюбию *шаха* (если переводить *мардуми* не как «учтивость», а как «человечность»), Насир-хан уже практически ничем не рисковал. Таким образом, очевидно, что в лице белуджского хана, имеющего *прежние заслуги* перед правящим монархом, царевич Хумайун нашел себе хорошего заступника¹⁴. Обычай заступничества послужил инструментом для погашения конфликта и на этом этапе спас Хумайуну жизнь (некоторое время спустя, впрочем, ему суждено было погибнуть, но уже при других обстоятельствах).

В «Сирāдж ат-тавāрийх» приводятся и другие эпизоды заступничества лиц названной выше группы. Так, говорится об успешном заступничестве *сардаров* (ханов пуштунских племен) за *михмāндār-бāши*¹⁵ Йусуф-хана, являвшегося в борьбе за престол сторонником Шах-Замана, перед его соперником — царевичем Хумайуном:

«*Михмандар-баши* Йусуф-хан, из числа сторонников Ахмад-хана, был ранен... и захвачен в плен. Царевич Хумайун собирался сначала убить его, но заступничество державших сторону царевича *сардаров* спасло тому жизнь»¹⁶.

Успешным заступником перед *шахом* Шуджā' ал-мулком (первое правление — 1803–1809) за своего сына Кайсара являлся уже свергнутый и ослепленный к тому времени¹⁷ Шах-Заман — старший единоутробный брат *шаха* Шуджа. Влиятельные и честолюбивые фигуры — сначала *вазир* Фатх-хан, а затем Шер-Мухаммад-хан — пытались склонить Кайсара к выступлению против дядюшки, внушая ему мысли о том, что он-то, дескать, и является законным наследником престола. Кайсар то сам поднимал оружие против *шаха*, то бежал с поля боя, сдав вверенный ему *шахом* город противнику, и всегда *шах* Шуджа прощал его, учитывая заступничество старшего брата. Он лишь постепенно сужал круг свободы, даваемой Кайсару: независимый наместник Кандагара (с. 68) → наместник под присмотром слепого отца (с. 69) → губернатор Кабула (с. 73) → лицо, обязанное постоянно находиться в свите *шаха* (с. 74). О заступничестве Шах-Замана упоминается неоднократно. Например, сообщается, что, когда *шах* Шуджа вознамерился наказать царевича Кайсара и *вазира* Фатх-хана, бежавших с поля боя и «тешивших в Кандагаре свою злобу и враждебность», и выступил из Кабула в сторону Кандагара, царевич Кайсар оставил Кандагар и бежал. Но тут:

«...к Его Величеству *шаху* обратился лишенный зрения Его Величество Шах-Заман, который сопровождал его в этом походе и к которому *шах* относился как к старшему, со словами заступничества за своего сына царевича Кайсара и попросил простить его вину. Тот был прощен»¹⁸.

Благодаря заступничеству знати *шах* Шуджа много раз прощал и *вазира* Фатх-хана Баракзая, своего очевидного антагониста, который неоднократно открыто выступал против *шаха*. Красноречивым примером может служить эпизод прощения Фатх-хана *шахом* Шуджа благодаря заступничеству Мухаммад-Акрам-хана Фуфулзая после бегства Камрана из Кандагара¹⁹. Первый раз, прощая Фатх-хана, *шах* Шуджа принял заступничество Шер-Мухаммад-хана:

¹⁴ По словам автора ЗТ, Насир-хан Балуч даже обещал Хумайуну примирить его с братом и помочь получить во владение какую-нибудь область, но Хумайун отклонил это предложение, сказав, что «спорящих за престол примирить трудно» — ЗТ. С. 90 (л. 556).

¹⁵ Придворная должность. Начальник службы *михмāндāров*, т.е. лиц, занимающихся размещением и обслуживанием гостей двора (например, иностранных послов).

¹⁶ Сирāдж ат-тавāрийх. С. 48.

¹⁷ Согласно мусульманской традиции, государем не может быть слепой. По этой причине свергнутого *султана* или конкурента в борьбе за престол не обязательно было умерщвлять, достаточно было «лишить его блага зрения» (как правило, при помощи раскаленного железного стержня).

¹⁸ Сирāдж ат-тавāрийх. С. 69.

¹⁹ Там же. С. 73.

«Вскоре Шер-Мухаммад-хан Мухтār ад-Даула и некоторые другие *ханы*, имевшие честь состоять в свите Его Величества *шаха* Шуджа, обратились к нему с просьбой о прощении вины *вазира* Фатх-хана. В соответствии с их просьбой на высочайшее рассмотрение поступило и личное прошение от самого *вазира* Фатх-хана. Гул Мухаммад-хан Низам ал-мулк получил приказ успокоить его и привезти [в Кабул]».

Далее сообщается, что по прибытии в Кабул Фатх-хан был тепло принят при дворе и назначен первым министром, *вазиром*, т.е. получил «ту же высокую должность, которую имел его отец *сардар* Пайинда-хан»²⁰. По мнению автора другого источника, Шер-Мухаммад-хан выступил с заступничеством за Фатх-хана, когда тот был арестован Кайсаром в Кандагаре, на службе у которого «поневоле находился». Благодаря этому заступничеству Фатх-хана отпустили, и он уехал из Кандагара в Харат (Герат), где попытался поднять Хāджжй Фируза против *шаха* Шуджа (т.е. не только обманул *шаха*, но и предал заступившегося за него Шер-Мухаммад-хана). Фируз отказал ему, и Фатх-хан уехал в Фарах к Камрану, где и поселился со своими братьями²¹.

Во второй раз *шах* Шуджа, «прощая» *вазира* Фатх-хана Баракзая, принял заступничество Мухаммад-Акрам-хана и «других *ханов*», пытаясь тем самым обеспечить себе лояльность дурранийских племен. Это было ему крайне необходимо, потому что до этого он пользовался в основном лишь поддержкой племен Пешаварской области и Хайбара, а также *вазир*ов и *гильзаев*.

«В это время Мухаммад-Акрам-хан и другие *ханы*, находившиеся при дворе, попросили аудиенции и стали умолять о прощении вины *вазира* Фатх-хана. От него самого также поступило и удостоилось внимания *шаха* письмо с мольбой о прощении. Государь ответил согласием простить *вазира* и приказал Мухаммад-Акрам-хану сопроводить его ко двору из Гиришка. *Шах* вновь простил и обласкал его и предоставил ему тот же почетный пост, который в прежние времена занимал его отец»²².

Третью категорию заступников составляли женщины. Это было связано с тем, что, согласно обычному праву, они также исключаются из кровной мести. В тексте «Сирāдж ат-тавāрийх» это, как правило, матери проигравших партию царевичей (*шахзада*). Приведем пространный эпизод испрашивания прощения для царевича Махмуда, основного соперника Шах-Замана в борьбе за престол в 1793 г. В роли успешной заступницы здесь выступает мать царевича, бывшая родной сестрой упоминавшегося выше влиятельного Пайинда-хана Баракзая:

«*Шахзада* Махмуд попросил свою уважаемую родительницу поехать ко двору облеченного властью *шаха* и отвезти его полное смирения прошение о помиловании за дурные деяния, после чего был прощен. Более того, по просьбе этой добродетельной и высокородной женщины государь согласился соединить брачными узами одну из хранящихся в его ларце жемчужин с сыном царевича Махмуда, а его дочь — с одной из звезд, сияющих на небосклоне султаната. Дав свое согласие, государь поручил почтенной госпоже сообщить ее высокородному сыну, что он должен первым прибыть ко двору, после чего будет устроена пышная свадьба. Достопочтенная родительница с благодарностью приняла это поручение (букв. „коснулась глаз признательности пальцем согласия“. — З. Дж.) и повезла соответствующий указ на имя царевича Махмуда в Харат (Герат). Там она дала *шахзада* Махмуду такой совет: „Будь счастлив милостью, которую оказал тебе государь, и довольствуйся этим. Не гневи Господа и слушайся государя!“ Тот принял совет матери и занялся делами своего правления»²³.

²⁰ Сирāдж ат-тавāрийх. С. 68.

²¹ 'Али-Кули-мирзā И'тизād ас-салтāна. Та'рих-и вақā'и' ва савāних-и Афғāнистāн. Тегеран, 1273 (1857). С. 87.

²² Сирāдж ат-тавāрийх. С. 73.

²³ Там же. С. 51.

Очевидно, что заступничество матери было последним средством Махмуда. Если в вышеприведенном случае с царевичем Хумайуном достаточно было письменного ходатайства белуджского вождя Насир-хана, то здесь понадобилась личная поездка заступницы и ее встреча с *шахом*. Обращает на себя внимание дополнение обычая заступничества подкрепляющим прощение и примирение обычаем сочетания детей примиряющихся брачными узами.

Другой случай обращения к заступничеству женщины встречается при перечислении выдающихся деятелей эпохи Шах-Замана, где упоминается некий *муниш-бāшӣ* (старший секретарь придворной канцелярии) Мир Мухаммад 'Али-хан Мусави, сын Кифайат-хана, щедрый, обходительный и остроумный человек, которому «в своем деле не было равных при дворе государя». Но этот человек своим независимым характером не мог угодить фавориту Шах-Замана Вафадар-хану, отчего «основа его могущества поколебнулась». Далее читаем:

«В тысяча двести двенадцатом году хиджры²⁴ благодаря заступничеству Марйам Дуррани, матери Его Величества Шах-Замана, он вновь возвысился до той же степени влияния, что и в первый раз, и его стали называть Ханазад-хан»²⁵.

Заступничество матери, таким образом, оказалось для Шах-Замана важнее мнения его фаворита²⁶.

О заступничестве женщины говорится и в упоминавшихся выше эпизодах с прощением царевича Кайсара. Помимо его ослепленного отца, свергнутого *шаха* Замана, за юношу ходатайствовала и бабушка, мать обоих государей — бывшего и действующего. Очевидно, что двойное заступничество родной матери и старшего брата ставило *шаха* Шуджа в крайне затруднительное положение. Он был не в силах отказать столь уважаемым заступникам и тем самым обрекал себя на новые раунды борьбы с племянником.

Таковы три основные категории заступников, в принципе совпадающие в обычном праве и в политической традиции. Это дает основание говорить о следовании политической традиции нормам обычного права.

3. Сила обычая заступничества

О силе обычая заступничества в Афганистане того времени свидетельствуют факты особой констатации в «Сирāдж ат-тавāрийх» случаев, когда «даже заступничество не помогло». Например, об одном таком эпизоде говорится в разделе, описывающем первое царствование *шаха* Шуджа и, в частности, его взаимоотношения с племянником, царевичем Кайсаром. Сразу по воцарении *шах* Шуджа назначил Кайсара наместником Кандагара, однако тот вскоре потерял город, уступив в сражении своему двоюродному брату царевичу Камрану, сыну *шаха* Махмуда (первое правление — 1801–1803), и вынужден был укрыться в одном из святых мест²⁷, откуда его вызволил доверенный человек *шаха* Шуджа. После этого Кайсар получил повеление постоянно оставаться при дворе. Далее говорится:

«Сколько ни умоляли его от имени уважаемой матери Его Величества Шах-Замана сохранить за ним место наместника Кандагара, но Его Величество *шах*, опасаясь того,

²⁴ 1797/98 г.

²⁵ «Рожденный в доме [господина]» — Сирāдж ат-тавāрийх. С. 56–57. Часто употребляется и в обычном языке в уничижительном значении «раб», «покорный слуга».

²⁶ О Вафадар-хане и его взаимоотношениях с Шах-Заманом см.: Джандосова З. Шах Заман. С. 275–276.

²⁷ В *мазаре* Мийана Нур-Мухаммада (Сирāдж ат-тавāрийх. С. 72). Налицо один из случаев обычая предоставления убежища — *панāх дāдан*. В качестве заступников выступают не только духовные лица при *мазаре*, но и само святое место — гробница суфийского *шайха*.

что корыстолюбивые люди могут ввергнуть его в искушение и склонить к измене и предательству, // *отклонил эту просьбу добродетельной праведницы*, хотя, впрочем, освободил от необходимости постоянного пребывания при дворе и отдал ему наместничество Кабула»²⁸.

Выделенные курсивом места подчеркивают особую значимость отказа удовлетворить просьбу, несмотря на авторитет заступника.

О том, какое значение имеет для афганцев обычай заступничества и чем чревато его нарушение, свидетельствует такой эпизод периода Первой англо-афганской войны (1839–1842):

«Затем, под командованием *на'иба* Аминаллах-хана, все отправились на покорение и усмирение *навваба* Мухаммад-Заман-хана, который отказался присягнуть на верноподданство Фатх-Джангу, и приказали вышеназванному *наввабу* покинуть страну вместе со своими приближенными. Тот направил к Аминаллах-хану Мир-Дарвиша, известного как Мир-Хаджжй, с просьбой двух дней отсрочки для того, чтобы спокойно собрать и погрузить вещи и пожитки, а также жен и детей, а затем отправиться в другую страну. *На'иб* Аминаллах-хан не принял заступничество Мир-Дарвиша, бывшего вождем и наставником народа, но тот продолжал настаивать, ибо [*навваб*] молил его о заступничестве, и *на'иб* Аминаллах-хан полоснул его кинжалом по лицу. Из-за этого весь народ пришел в волнение и напал на дом *на'иба* Аминаллах-хана. Увидев себя мишенью стрел народного осуждения, тот бежал в Бала-Хисар²⁹ к *шаху* Фатх-Джангу»³⁰.

В этом случае нарушение обычая заступничества (отягченное нанесением увечья заступнику — духовному лицу) привело к настоящему народному восстанию.

4. Ритуал обычая заступничества

«Сирāдж ат-тавāрих» дает некоторые сведения и о ритуале обычая. Он включал в себя письменное ходатайство о помиловании и привлечение Священного Корана в знак свидетельства искреннего раскаяния виновного перед лицом Всевышнего (заступники несли Коран в руках, причем письменное прошение с нижайшей просьбой о помиловании вкладывали в Книгу). Описан и случай, когда сам виновник участвовал в церемонии: потерпев поражение в бою с воинами приверженцев Шах-Замана, сторонник царевича Махмуда Мухаммад-‘Азим-хан Алькозай просит заступничества у духовного лица — суфия, и тот соглашается выступить ходатаем о его прощении:

«В деревне Закарда, расположенной в пяти курухах от Кандагара, [Мухаммад-‘Азим-хан] попросил пристанища у *мийана*³¹ ‘Абд ал-Хамида Дарвиша. И тот, после разрешения спора, согласился заступиться за него и отправил своего сына *муллу* Джан-Мухаммада сопровождать его ко двору Его Величества Шах-Замана. Удостоившись чести аудиенции, он взял в руки меч, повесил на шею саван и заявил: „Я достоин того, чтобы этим мечом голова моя была бы снесена с плеч, а тело мое — возвращено в этот саван“. *Шах* простил [Мухаммад-‘Азим-хану] содеянное и обласкал его, пожаловав халат, коня и меч»³².

Подробное изложение письменного ходатайства о помиловании приводится в источнике «Сирāдж ат-тавāрих» — «дневнике» *шаха* Шуджа:

²⁸ Сирāдж ат-тавāрих. С. 72–73.

²⁹ Цитадель г. Кабула.

³⁰ Сирāдж ат-тавāрих. С. 83.

³¹ Мийа, мийан, миян — *мийā(н)* — «преподобный», титул духовных лиц (по преимуществу в Индии у суфиев).

³² Сирāдж ат-тавāрих. С. 51.

«Между тем высокопоставленный Мухаммад-Акрам-хан и другие дурранийские ханы довели до высочайшего сведения: „В настоящее время Фатх-хан, некогда по наущению злой судьбы и в силу несчастного стечения обстоятельств оставивший службу при дворе Его августейшего Величества и бежавший из Кабула, из-за своих злополучных действий, черной неблагодарности и своекорыстия лишился крова и превратился в бездомного скитальца. В знак возмездия за свою вину и свои преступления он теперь блуждает в пустыне скитаний и горя. Следы раскаяния и сожаления, как буквы судьбы и клеймо осуждения, проявились на челе его положения и лице его состояния. Поэтому, обращаясь к Его дарующему всем прощение и стремящемуся под покровительство крепчайшей связи сиятельному Величеству, он надеется на безграничную милость и благоволение, ибо и знать, и чернь, и обездоленный враг, и удачливый друг и месяц, и год, и утром, и вечером чувствуют себя довольными и радостными под сенью милосердия государя... Если благодаря бесконечной милости государя государей вина его может быть прощена, Ваш покорный слуга возьмется доставить его в Ваше присутствие“. Вскоре августейшему взору предстало прощение самого Фатх-хана, содержащее тысячу жалоб и рыданий, заключающее в себе свидетельства покорности и смирения: „Если прощение вины этого ничтожного раба, вскормленного и вспоенного этим вечным и находящимся под Божьим покровительством государством, хоть в какой-то мере станет предметом благосклонного внимания // и он будет призван ко двору, то с этого времени этим грешником и подлецом не будет сделано ни одного неподобающего шага. В противном же случае голова, честь, имущество и владения этого раба будут принадлежать государю“. Так что ради Амин ал-мулка и из уважения к его особым заслугам на страже интересов Нашего Величества и отвечая на его многочисленные просьбы, мы помиловали Фатх-хана... последовал приказ, и, поскольку вышеупомянутый пребывал тогда в Гиришке, Амин ал-мулк получил разрешение отлучиться на несколько дней и доставил вышеупомянутого к высокому царскому порогу. Затем вышеупомянутому, удостоившемуся чести поцеловать прах у высочайшего порога, был пожалован пост его отцов и дедов»³³.

Обычай также требовал, чтобы просьба о помиловании была настоятельной, т.е. повторенной неоднократно.

В подавляющем большинстве случаев заступничество третьих лиц вело к прощению виновного. Исключения связаны с повторными преступлениями, такими, например, как измены и бунты в ответ на милость победителя. Например:

«Уважаемая родительница *шахзада* Махмуда прибыла ко двору *шаха* с извинениями и надеялась мольбою о прощении ее сына вновь поправить его дела... однако вернулась ни с чем»³⁴.

5. Особые случаи

В тексте «Сирādж ат-тавāрийх» встречается также упоминание об обычае заступничества или посредничества при описании ситуаций с участием непущтунов (сикхов, иранцев). Например, на с. 53 сообщается о том, что афганский военачальник, осадивший сикхскую крепость, соглашается помиловать сдавшихся сикхов благодаря посредничеству некоего *муллы*:

«Мухтар ад-даула было поручено уничтожить эту крепость с помощью нескольких пушек. Он осадил крепость, и в конце концов запертые в ней сикхи оказались в стесненном положении и попросили пощады. Благодаря посредничеству *муллы* ‘Абд

³³ [Шуджā‘ ал-мулк и Мухаммад Хусайн.] Вāқи‘āt-и шāх Шуджā‘. Кабул, 1333 (1954/55), эпизод 14. С. 22–23.

³⁴ Сирādж ат-тавāрийх. С. 54.

ал-гаффара, Джадид ал-ислама³⁵, их мольба была услышана. Они взяли на себя обязательство платить *бадж* и *харадж*³⁶ и подчинились *фирману*³⁷.

Неприятие и несоблюдение непущтунами распространенного в пуштунской среде обычая («даже заступничество Шер Мухаммад-хана не помогло...») — здесь и ниже курсив мой. — З. Дж.) дают Файз-Мухаммаду повод для нелестной характеристики иранцев при описании длительной осады каджарской армией Харата (Герата) в 1838–1839 гг.

«По приказу Мухаммад-шаха его солдаты насыпали из земли и камней два холма по обе стороны башни Х'аджа 'Абдаллах Мисрй, один со стороны Дарваза-йи Қандахър, другой — со стороны Дарваза-йи Хушк, поставили на них десять больших пушек и подвергли город обстрелу. Одновременно иранцы вели бои с отрядами ханов Гератской области, совершавшими налеты на лагерь, обозы и курьеров. Усталость иранцев, измученных безуспешной осадой, проявилась в том, что даже заступничество Шер-Мухаммад-хана, брата вазира Йар-Мухаммад-хана, который со дня взятия крепости Гүрийан находился при шахе Ирана, не помогло спасти пленных афганцев, захваченных во время таких налетов...»³⁸.

Приведенные в статье выдержки из «Сирәдж ат-таварйх» и других исторических сочинений убедительно доказывают неразрывность афганской политической традиции и пуштунского обычного права. В рамках Афганистана пуштунская модель заступничества, восходящая к ритуалу испрашивания прощения с целью прекращения кровной мести и тесно связанная с обычаем гостеприимства, была в конце XVIII — начале XIX в. нормальным средством разрешения военно-политических конфликтов, возникавших на почве борьбы за власть, в том числе между близкими родственниками, и принималась непущтунским населением страны (таджиками, белуджами) как общая норма.

Summary

Z.A. Jandosova

The Custom of Intercession in Pre-modern Afghanistan

The article deals with the custom of intercession as an important part of the Pushtun customary law (the *Pushtunwali*) coinciding with Afghan political tradition of Sadozai and Sadozai/Barakzai periods (late 18th — first four decades of 19th centuries). This custom had been widely and successfully applied in the cases of conflict-settling in the private life as well as in war and politics.

Within the political tradition, the application for the intercession of a third person had the basic meaning not only of a humble apology but also of the acknowledgement of one's defeat and, consequently, of the recognition of the other's sovereign power. The correct choice of interceders, the observation of the ritual rules and humble expression of resignation could guarantee mercy.

Such narrative sources on the pre-modern history of Afghanistan as *Siraj at-Tawarikh*, *Tarikh-i Saltani*, *Waqeat-i Shah Shujah* and *Tarikh-i Waqae wa Sawaneh-i Afghanistan* abound with examples of the resort to this custom in the political struggle and the internecine wars. A lot of such examples, mostly from *Siraj at-Tawarikh*, are cited and commented in the article.

The article consists of five sections dealing with: 1) intercession as the customary law standard; 2) categories of interceders (clergy, chiefs, women); 3) the power of this custom; 4) the custom's ritual; 5) specific cases.

The author concludes that Afghan political tradition was inseparable from the common law of Pushtuns. In Afghanistan of two centuries ago, the Pushtun model of intercession going back to apologies targeting the cessation of the blood feud and tightly related to the custom of hospitality had been a normal means of the settlement of the military and political conflicts.

³⁵ Судя по этому определению, человека, не так давно принявшего ислам.

³⁶ Разнообразные налоги и сборы.

³⁷ Иначе говоря, признали себя вассалами афганского шаха. *Фирман* — царский указ.

³⁸ Сирәдж ат-таварйх. С. 147.